

КЛАССИФИКАЦИЯ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ

Существует не менее двенадцати лингвистически значимых параметров, по которым могут различаться иллокутивные акты. Из них наиболее существенными являются: иллокутивная цель (*illocutionary point*), направление приспособления (*direction of fit*) и выраженное психологическое состояние. Эти три понятия образуют основу для таксономии главных классов иллокутивных актов. Базисными видами иллокутивных актов являются следующие пять: репрезентативы (или ассертивы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации. Каждое из этих понятий получает свое определение в данной статье. Предшествующая попытка построения таксономии, предпринятая Остином, несовершенна по ряду причин, главная из которых — отсутствие четких критериев для отграничения одного вида иллокутивной силы (*illocutionary force*) от других. Перформативные глаголы, составляющие своего рода парадигму в каждом из названных пяти классов, обладают разными синтаксическими свойствами (в статье эти свойства получают объяснение). (Ключевые слова: Речевые акты, таксономия Остина, функции речи, выводы для этнографии и этнологии, английский язык.)

I. ВВЕДЕНИЕ

При изучении функционирования языка в обществе одним из самых главных вопросов является следующий: «Сколько существует способов использования языка?» Большинство попыток ответить на этот вопрос неудовлетворительны прежде всего из-за отсутствия ясного определения самого понятия «способ использования языка». Если же принять, как предлагается в данной работе, что основной единицей языкового общения между людьми является иллокутивный акт, то наиболее важной формой постановки нашего исходного вопроса будет такая: «Сколько существует категорий иллокутивных актов?» Настоящая статья и представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

Главная цель данной работы поэтому состоит в том, чтобы получить обоснованную классификацию иллокутивных актов, сводящую всё их многообразие к базисным категориям, или типам. Поскольку каждая такая попытка должна учитывать результаты

John R. Searle. A classification of illocutionary acts. — «Language in Society», 1976, № 5, p. 1—23.

© Cambridge University Press, London, 1976.

Остина, расклассифицировавшего иллокутивные акты на пять категорий (вердиктивы, экспозитивы, экзерситивы, бехабитивы и комиссивы), то второй целью данной работы является демонстрация того, в каких отношениях классификация Остина адекватна, а в каких — нет. Ну, а поскольку базисные семантические различия обычно сказываются на синтаксических свойствах, третья цель данной работы — показать, как эти различные базисные иллокутивные типы реализуются в синтаксисе такого естественного языка, как английский.

В дальнейшем изложении будет предполагаться знакомство читателя с общей схемой анализа иллокутивных актов, предложенной в таких работах, как Austin 1962; Searle 1969; Searle 1968. В частности, я исхожу из разграничения иллокутивной силы высказывания и его пропозиционального содержания, что символизируется следующим образом: $F(p)$. Тогда задача данной работы — в том, чтобы получить классификацию различных типов F .

II. РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ

Любая попытка получить такого рода таксономию предполагает наличие критериев отличия одного (вида) иллокутивного акта от другого. По каким же критериям можно было бы определить, что из трех заданных реальных высказываний одно представляет собой сообщение, другое — предсказание, а третье — обещание? Для того чтобы устанавливать классы более высокого, родового порядка, мы должны сначала знать, как отличаются друг от друга виды — *обещание*, *предсказание*, *сообщение* и т. п. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, мы сталкиваемся с тем, что существует несколько совершенно различных принципов разграничения; то есть имеются несколько видов различий, позволяющих констатировать нетождественность сил двух высказываний. Поэтому метафора «сила» в выражении «иллокутивная сила» может ввести в заблуждение: ее можно понять так, будто различные иллокутивные силы занимают различные места на одной и той же непрерывной шкале силы. Между тем как в действительности мы имеем дело с несколькими различными пересекающимися континуумами.

Другой источник заблуждений связан с нашей склонностью путать иллокутивные глаголы с типами иллокутивных актов. Например, когда имеется два несинонимичных иллокутивных глагола, мы склонны считать, будто они непременно должны указывать на два различных вида иллокутивных актов. В дальнейшем я буду стараться придерживаться строгого разграничения иллоку-

тивных глаголов и иллокутивных актов. Иллокуции — это часть языка вообще (а не конкретного языка). Иллокутивные глаголы — это всегда часть некоторого конкретного языка — французского, немецкого, английского и т. д. Различия между иллокутивными глаголами — хороший индикатор, но ни в коем случае не надежный индикатор различий между иллокутивными актами.

По моему мнению, имеется (по меньшей мере) двенадцать значимых измерений, в которых происходит варьирование иллокутивных актов. Пройдемся бегло по этим измерениям.

(1) *Различия в цели данного (типа) акта*

Так, смысл (point), или цель (purpose), приказа может быть охарактеризован как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Смысл, или цель, описания — в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Смысл, или цель, обещания — в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто. Эти различия соответствуют «существенным условиям» в моем анализе иллокутивных актов (см. Seagle 1969, гл. 3). В конечном итоге, как я полагаю, существенные условия будут наилучшей основой для таксономии, — это я и попытаюсь показать. Важно иметь в виду, что термины типа «смысл» и «цель» не должны приводить к выводу о том, что каждый иллокутивный акт обладает некоторым перлокутивным намерением, закрепленным за этим актом по определению: наше употребление этих терминов не основывается на таком взгляде. У многих, — а возможно, и у большинства, — из главных иллокутивных актов нет никакого существенного перлокутивного намерения, ассоциированного с соответствующим глаголом в силу его словарного определения; так, утверждения и обещания не являются, по определению, попытками осуществить перлокутивное воздействие на слушающих.

Смысл, или цель, конкретного типа иллокуции я буду называть *иллокутивной целью* этого типа. Иллокутивная цель — это только часть иллокутивной силы. Так, например, иллокутивная цель просьб — та же, что и у приказаний: и те, и другие представляют собой попытку побудить слушающего нечто сделать. Но иллокутивные силы — это явно нечто другое. Вообще говоря, понятие иллокутивной силы производно от нескольких элементов, из которых иллокутивная цель — только один, хотя, видимо, наиболее важный элемент.

(2) *Различия в направлении приспособления между словами и миром*

Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова (а точнее — пропозициональное содержание речи) соответствовали миру; другие иллокуции связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую катего-

рию, обещания и просьбы — во вторую. Наилучшей иллюстрацией этого разграничения является, видимо, то, которое предложено в работе Anscombe 1957. Предположим, что некий человек идет в универсам со списком, составленным его женой, где указано, что он должен купить; в этом списке содержатся слова: «бобы, масло, бекон, хлеб». Предположим, далее, что по пятам за ним, все время, пока он ходит с тележкой по магазину и выбирает указанные товары, следует сыщик, который записывает все, что он берет. При выходе из магазина у покупателя и у сыщика будут идентичные списки. Но функции этих двух списков будут совершенно различны. Цель того списка, который находится у покупателя, состоит в том, чтобы, так сказать, «приспособить» мир к словам; этот человек должен согласовывать свои действия со списком. Цель списка, находящегося у сыщика, — в том, чтобы «приспособить» слова к миру: сыщик должен согласовывать список с действиями покупателя. Это, в частности, сказывается на различной роли «ошибок» в этих двух случаях. Если сыщик, придя домой, неожиданно осознает, что тот человек купил свиные отбивные вместо бекона, то он сможет просто зачеркнуть слово «бекон» и записать «свиные отбивные». А вот если покупатель придет домой, и его жена укажет ему, что он купил свиные отбивные, хотя ему нужно было купить бекон, то он не сможет исправить свою ошибку, зачеркнув «бекон» и записав вместо этого «свиные отбивные».

В этих примерах список содержит пропозициональное содержание иллокуции, а иллокутивная сила определяет то, как это содержание должно соотноситься с миром. Я предлагаю назвать этот аспект различием по направлению приспособления. Список сыщика характеризуется направлением приспособления «слова к миру» (как в случае констатаций, описаний, утверждений и объяснений); список же покупателя обладает направлением приспособления «мира к словам» (как в случае требований, приказаний, клятв, обещаний). Будем обозначать направление приспособления «слова — реальность» с помощью стрелки, направленной вниз (\downarrow), а направленность приспособления «реальность — слова» — с помощью стрелки, направленной вверх (\uparrow). Направление приспособления всегда является следствием иллокутивной цели. Было бы очень элегантно построить всю нашу таксономию целиком на основе этого различия по направлению приспособления, — но я не в состоянии положить это понятие в основу всех моих разграничений (при том что направление приспособления будет широко применяться в последующей таксономии).

(3) *Различия в выраженных психологических состояниях*

Человек, констатирующий, утверждающий, объясняющий или заявляющий, что p , выражает убеждение, что p ; человек, который обещает, клянется, угрожает или ручается, что сделает a , выра-

жает намерение сделать *a*; человек, который приказывает, командует, просит, чтобы слушающий *H* сделал *A*, выражает желание (пожелание, потребность), чтобы *H* сделал *A*; человек, приносящий извинения за совершение *A*, выражает сожаление по поводу совершения *A*, и т. д. В общем случае, производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т. п., касающееся этого пропозиционального содержания. Заметим, что это имеет место, даже если говорящий неискренней, даже если он не имеет в действительности того убеждения, желания, намерения, не испытывает того сожаления или удовольствия, которое он выражает, — тем не менее в ходе совершения своего речевого акта он выражает некоторое убеждение, желание, намерение, сожаление или удовольствие. Это обстоятельство находит свое языковое выражение в том, что с точки зрения языка неприемлемым (хотя логически и не противоречивым) будет соединение эксплицитного перформативного глагола с отрицанием выражаемого им психологического состояния. Так, нельзя сказать: “Я утверждаю, что *p*, но не думаю, что *p*”, “Я обещаю, что *p*, но не намереваюсь *p*”, и т. п. Отметим, что сказанное справедливо только для перформативного употребления глагола в первом лице настоящего времени. Ведь можно сказать: «Он утверждал, что *p*, но на самом деле не считал, что *p*”, “Я обещал, что *p*, но на самом деле не намеревался совершить это” и т. д. Психологическое состояние, выраженное при совершении иллокутивного акта, — это *условие искренности* акта, в смысле моих «Речевых актов» (Searle 1969, гл. 3).

Если попытаться расклассифицировать иллокутивные акты, основываясь исключительно на выражаемых психологических состояниях (на различиях по характеру условия искренности), то придется проделать очень большую работу. Так, *убеждение* объединяет не только утверждения, констатации, замечания и объяснения, но также постулирование, декларации, логическую дедукцию и аргументацию. *Намерение* объединяет обещания, клятвы, угрозы и речательства. *Желание* или *потребность* охватывает просьбы, приказы, команды, мольбы, ходатайства, прошения и упрашивания. *Удовольствие* же не объединяет так много иллокутивных актов: поздравления, пожелания удачи, приветствия и несколько других.

В дальнейшем выражаемые психологические состояния будут обозначаться через заглавную начальную букву соответствующего глагола: В для убеждения, W для желания, I для намерения и т. д.

Эти три «измерения» речевого акта — иллокутивная цель, направление приспособления и условие искренности — мне представляются наиболее важными, и моя таксономия будет, в основ-

ном, построена на них; однако есть и несколько других факторов, заслуживающих упоминания.

(4) Различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель

Предложения "Я предлагаю пойти в кино" и "Я настаиваю на том, чтобы мы пошли в кино" оба обладают одинаковой иллокутивной целью, но подаваемой с различной степенью энергичности (strength). То же самое относится и к паре предложений "Я торжественно клянусь, что это Билл украл деньги" и "Я думаю, деньги украл Билл". В рамках одной и той же иллокутивной цели, как мы видим, могут быть различные степени энергичности или ответственности.

(5) Различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания

Если генерал просит рядового убраться в комнате, — это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой просит генерала убраться в комнате, то это может быть советом, предложением или просьбой, — но не приказом или командой. Этот признак соответствует одному из подготовительных условий в концепции «Речевых актов» (Searle 1969, гл. 3).

(6) Различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего

Рассмотрим, например, различия между похвальбой и жалобами, между поздравлениями и выражением сочувствия. В этих двух парах видно различие между тем, что в интересах, и тем, что не в интересах говорящего или слушающего, соответственно. Этот признак представляет собой еще один тип подготовительного условия (в рамках концепций моих «Речевых актов»).

(7) Различия в соотношении с остальной частью дискурса

Некоторые перформативные выражения служат для соотнесения высказывания с остальной частью дискурса (а также с непосредственным контекстом). Рассмотрим, к примеру, фразы: "(Я) отвечаю", "(Я) вывожу", "Я заключаю" и "Я возражаю". Эти выражения служат для того, чтобы соотнести одни высказывания с другими высказываниями и с непосредственным контекстом. Признаки, выражаемые им, обычно вовлекают высказывания в класс утверждений. В дополнение к простому утверждению некоторого суждения, можно делать это утверждение в порядке возражения по поводу того, что было кем-то ранее сказано, в порядке ответа на ранее высказанное положение, в порядке вывода этого утверждения из некоторых очевидных предпосылок и т. п. Выражения "тем не менее", "более того", "таким образом" также выполняют указанные функции соотнесения с дискурсом.

(8) Различия в пропозициональном содержании, определяемые на основании показателей иллокутивной силы

Различие, скажем, между сообщением и предсказанием связано с тем обстоятельством, что предсказание должно делаться о будущем, а сообщение может быть о прошедшем или настоящем. Эти различия соответствуют расхождениям в рамках условий позиционального содержания (в концепции моих «Речевых актов»).

(9) *Различия между теми актами, которые всегда должны быть речевыми актами, и теми, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами*

Например, можно расклассифицировать объекты, сказав “Я отношу это к классу А, а это — к классу В”. Но вовсе не обязательно что-либо говорить, классифицируя предметы: можно просто сложить все предметы типа А в коробку для А и все предметы типа В в коробку для В. Аналогично — в случае оценки, диагноза и заключения. Я могу оценить нечто, сделать диагноз и вывод, сказав “Я оцениваю”, “Я ставлю диагноз” и “Я делаю заключение”, — но для того, чтобы оценить, поставить диагноз или сделать заключение, не обязательно что-либо говорить вообще. Я могу просто стоять перед зданием и оценивать его высоту, молча поставить вам диагноз «крайняя степень шизофрении» или сделать заключение, что человек, сидящий рядом со мной, совершенно пьян. В этих случаях нет необходимости в речевых актах, — даже во внутренних речевых актах.

(10) *Различия между теми актами, которые требуют для своего осуществления внеязыковых установлений, и теми, которые их не требуют*

Есть большое количество иллокутивных актов, требующих существования некоторого внеязыкового установления (institution), а также, вообще говоря, некоторого специального положения говорящего и слушающего в рамках этого установления, — для того чтобы можно было осуществить данный речевой акт. Так, для того, чтобы благословить, отлучить (от церкви), окрестить, объявить виновным, объявить игрока вне игры, объявить игру «без козыря» (в картах) или объявить войну, — для всего этого недостаточно, чтобы произвольный говорящий сказал произвольному слушающему фразу “Благославляю”, “Отлучаю” и т. п. Нужно еще, чтобы человек занимал некоторое положение в рамках некоторого установления внеязыкового порядка. Остин иногда высказывается так, как если бы он считал, будто все иллокутивные акты обладают этим свойством, — однако, это не так. Для того чтобы сообщить, что идет дождь, или пообещать навестить вас, мне достаточно только соблюдать правила языка. Никаких внеязыковых установлений не требуется. Это свойство некоторых речевых актов — необходимость привязки к внеязыковым установлениям — следует отличать от свойства (5) — связи определенных иллокутивных актов с определенным статусом говорящего, а возможно, и слуша-

ющего. Внеязыковые установления часто действительно предписывают распределение статусов, существенных для иллокутивной силы, — однако не все различия в статусе являются следствием конкретных установлений. Так, вооруженный грабитель — в силу того, что у него есть оружие, — может *приказывать*, а не просить, не упрашивать, не умолять своих жертв поднять руки вверх. Но его статус в данном случае следует не из его положения в рамках какого-либо установления, а из факта наличия у него оружия.

(11) *Различия между теми актами, в которых соответствующий иллокутивный глагол употреблен перформативно, и теми, в которых перформативное употребление глагола отсутствует*

Большинство иллокутивных глаголов может быть употреблено перформативно — например, “утверждать”, “обещать”, “приказывать”, “заключать”. Но нельзя совершить актов, скажем, похвалы или угрозы, сказав “Настоящим я хвалюсь” или “Настоящим я угрожаю”. Не все иллокутивные глаголы являются перформативными.

(12) *Различия в стиле осуществления иллокутивных актов*

Некоторые иллокутивные глаголы служат для того, чтобы указать на то, что можно назвать специальным стилем осуществления иллокутивного акта. Так, различия между оглашением и сообщением по секрету не обязательно связано с каким-либо различием в иллокутивной цели или в пропозициональном содержании, — а только в *стиле* осуществления иллокутивного акта.

III. СЛАБЫЕ МЕСТА В ТАКСОНОМИИ ОСТИНА

Остин предлагает свои пять категорий весьма гипотетично — скорее как основу для дальнейшего обсуждения, чем как сводку окончательных результатов. Он сам пишет (см. с. 120): «Я не считаю свою классификацию... окончательной». Мне кажется, эти категории дают прекрасный отправной пункт для обсуждения, но указанная таксономия должна быть серьезным образом пересмотрена, поскольку в некоторых отношениях она несовершенна*.

Бросается в глаза, что списки Остина являются классификацией не иллокутивных актов, а английских иллокутивных глаголов. Видимо, Остин полагает, что классификация различных глаголов уже сама по себе является классификацией видов иллокутивных актов, то есть любые два несинонимичных глагола должны описывать два различных иллокутивных акта. Но нет оснований считать, что это действительно так. Как мы увидим далее, некоторые глаголы, например, указывают на способ или образ осуществле-

* Далее следует краткое перечисление классов перформативных глаголов по Остину (см. наст. изд., с. 118—128). — Прим. перев.

ния иллокутивного акта, например, глагол "объявлять". Можно объявлять приказы, обещания и сообщения, но акт объявления не совпадает с актами приказа, обещания, сообщения. Забегая несколько вперед, можно сказать, что объявление — это не имя некоторого типа иллокутивного акта, а название способа, которым осуществлён некоторый иллокутивный акт. Объявление не бывает никогда просто объявлением: оно должно быть одновременно утверждением, приказом и т. д.

Даже если принять, что названные списки дают просто иллокутивные глаголы, а не иллокутивные акты, представляется, что против них можно выдвинуть следующие критические замечания.

(а) Начнем с менее существенного, но достойного упоминания. Не все глаголы в этих списках могут быть даже названы иллокутивными. Например, *sympathize* 'симпатизировать', *regard as* 'рассматривать как', *mean to* 'иметь в виду', *intend* 'намереваться' и *shall* 'должен' (вспомогательный глагол для образования форм будущего времени). Так, возьмем глагол "намереваться": он явно неперформативный. Сказать "Я намереваюсь" не значит намереваться. В третьем лице этот глагол также не называет какой-либо иллокутивный акт: фраза "Он намеревался..." не сообщает о речевом акте. Разумеется, существует иллокутивный акт *выражения намерения* — но соответствующее глагольное сочетание иллокутивного характера будет "выразить намерение", а не "намереваться". Намерение никогда не бывает речевым актом; выражение же намерения обычно им бывает, но не всегда.

(б) Наиболее существенным недостатком этой таксономии является то, что она не построена на каком-либо ясном или последовательном принципе или множестве принципов. Только в случае комиссивов Остин использует ясным и недвусмысленным образом понятие иллокутивной цели в качестве базиса для определения этой категории. Экспозитивы — в той степени, в какой их характеристика доступна для понимания, — у Остина скорее определяются в терминах дискурсивных отношений (мой признак (7)). Экзерситивы, по крайней мере частично, определяются, видимо, через понятие "употреблять власть". В их определении просматриваются и фактор статуса (у меня — признак (5)), и фактор установления (у меня — признак (10)). Бехабитивы же не устанавливаются сколько-нибудь определенно (думаю, в этом Остин со мной согласился бы), но их характеристика, видимо, опирается на понятие того, что хорошо или плохо для говорящего и слушающего (мой признак (6)), а также на выражения личностных отношений (у меня — признак (3)).

(с) Поскольку нет никакого чётко сформулированного принципа классификации, а также поскольку в этой концепции постоянно смешиваются иллокутивные акты и иллокутивные глаголы, то выделяемые категории в значительной степени пересекаются, а

внутренний их состав часто неоднороден. Проблема даже не в том, что имеются пограничные случаи, — любая таксономия, имеющая дело с реальным миром, как правило, сталкивается с пограничными случаями, — и даже не в том, что в нескольких (достаточно неординарных) случаях приходится объект характеризовать как относящийся одновременно к нескольким категориям. Дело же заключается в том, что огромное число глаголов попадает в ядро двух разных категорий из-за несистематичности принципов классификации. Возьмем, например, глагол *describe* 'описывать', очень важный для любого варианта теории речевых актов. Остин относит его одновременно к вердиктивам и к экспозитивам. Исходя из его определений, это объяснимо: «описывание» может быть одновременно сообщением о результатах изысканий и актом изложения. Но тогда любой «акт экспонирования, включающий в себя изложение взглядов» мог бы быть, в остиновском специфическом понимании, «передачей результатов изысканий, официальной или неофициальной, опирающейся на подтверждающие данные или доводы». И действительно, взглянув на его список экспозитивов (см. наст. изд., с. 126—128), мы сразу же обнаружим, что большинство из глаголов в нем подпадает и под определение вердиктивов наряду с глаголом «описывать». Таковы глаголы *affirm* 'подтверждать', *deny* 'отрицать', *state* 'утверждать', *class* 'характеризовать', *identify* 'отождествлять', *conclude* 'заключать' и *deduce* 'выводить'. Все они отнесены к рубрике экспозитивов, хотя могли бы быть с тем же основанием отнесены к классу вердиктивов. Несколько случаев явных невердиктивов — это те глаголы, значение которых связано исключительно с отношениями внутри дискурса, например, *begin by* 'начать с', *turn to* 'перейти к', — или когда речь идет не о свидетельствах или доводах, как в случае *postulate* 'постулировать', *neglect* 'пренебречь', *call* 'назвать' и *define* 'определить (как)'. Но тогда имеющийся состав класса недостаточен для того, чтобы выделить особую категорию, особенно если учесть, что многие из названных глаголов (например, «начать с», «перейти к» и «пренебречь») не называют вообще никакого иллокутивного акта.

(d) Кроме чрезмерного пересечения категорий, имеет место внутренняя разнородность постулируемых классов глаголов. Так, Остин зачисляет *dare* 'вызывать (на бой)', *defy* 'вызывать (на спор)' и *challenge* 'вызывать (на дуэль, на соревнование)' и т. п., наряду с *thank* 'благодарить', *apologize* 'приносить извинения', *deplore* 'сожалеть, находить предосудительным' и *welcome* 'приветствовать', в разряд бехабитивов. А ведь первые три связаны с последующими действиями слушающего и могут быть объединены — как я постараюсь показать далее — с *order* 'приказывать', *command* 'командовать', *forbid* 'запрещать', как на синтаксических, так и на семантических основаниях. Но вот взглянем на семейство глаголов *order*, *command* и *urge* 'понуждать, убеждать'. Здесь они

характеризуются как экзерситивы наряду с *veto* 'пакладывать veto', *hire* 'нанимать' и *demote* 'разжаловать'. А они опять-таки, как я постараюсь показать ниже, относятся к двум различным категориям.

(е) Ещё одно затруднение связано с предыдущими: не всегда глаголы, отнесённые к тому или иному классу, удовлетворяют определению, даваемому этому классу, — если даже брать эти определения в их приблизительном и незавершенном виде, как они даны у Остина. Так, *nominate* 'назначать на должность; выдвигать кандидатуру', *appoint* 'назначать' и *excommunicate* 'отлучать' не являются «принятием решения в пользу или против некоторого хода действий», — в еще меньшей степени они «оправдывают» этот ход событий. Скорее это, как выразился бы сам Остин, осуществление таких действий, не *оправдание* чего-либо. Иначе говоря, в том смысле, какой мы вкладываем в «оправдание» какого-то действия — как при приказе, команде и настоянии (с чем мы можем согласиться), — в этом смысле нельзя согласиться, что назначение на должность и просто назначение — это тоже оправдание. Когда я назначаю вас председателем, я не оправдываю ту точку зрения, что вы должны быть или стать председателем, — я *делаю* вас председателем.

Итак, остиновская таксономия приводит по меньшей мере к шести взаимосвязанным затруднениям, а именно (по возрастанию важности) к следующим: здесь постоянно смешиваются глаголы и акты; не все глаголы на самом деле являются иллокутивными; слишком велики пересечения между категориями; слишком неоднородны категории; многие из глаголов, отнесенных к тем или иным категориям, не удовлетворяют определению этих категорий; наконец — самое главное — отсутствует какой-либо до конца выдержанный принцип классификации.

Возможно, я не полностью обосновал все эти шесть обвинений: я этого и не буду делать в рамках данной работы: у нее другие цели. Но я полагаю, что мои сомнения относительно таксономии Остина получат большую ясность после того, как я представлю альтернативное решение. В качестве основания для классификации я предлагаю избрать иллокутивную цель и вытекающие из нее понятия: направление приспособления и выражаемые условия искренности. В такой классификации остальные свойства — роль авторитета, дискурсные отношения и т. п. — займут соответствующее место.

IV. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ТАКСОНОМИЯ

В этом разделе дастся предлагаемый мною список базисных категорий иллокутивных актов. При этом я кратко остановлюсь на том, как моя классификация связана с остиновской.

Репрезентативы. Смысл, или цель, членов класса репрезентативов — в том, чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Все элементы класса репрезентативов могут оцениваться по шкале, включающей *истину* и *ложь*. Используя знак Фреге для утверждения, чтобы показать иллокутивную цель, общую для всех этих элементов, а также символы, введенные выше, данный класс можно обозначить так:

$$\vdash \downarrow B(p)$$

Направление приспособления здесь — «слова — реальность»; выражаемое психологическое состояние — убеждение (что p). Важно подчеркнуть, что слова типа «убеждение» и «ответственность» (commitment) здесь используются для того, чтобы указать на соответствующие измерения; они скорее, так сказать, определяемые параметры, чем определенные величины. Так, между *предложением*, что p , или *высказыванием в качестве гипотезы*, что p , с одной стороны, и *наставлением*, что p , или торжественной *клятвой*, что p , с другой, имеется различие. Степень убеждения и ответственности может приближаться к нулю или даже быть ему равна; но ясно (или станет потом ясно), что *гипотетическое утверждение*, что p , и простая констатация, что p , *находятся* в одной и той же плоскости, в которую не входят, скажем, просьбы.

Признав, что репрезентативы образуют совершенно отдельный класс, основанный на понятии иллокутивной цели, мы легко объясним существование огромного числа перформативных глаголов, обозначающих иллокуции, таких, которые укладываются в противопоставление «истинно — ложно», но при этом не являются просто «утверждениями»: они будут толковаться как глаголы, указывающие на такие признаки иллокутивной силы, которые являются дополнительными к свойству иллокутивной цели.

Например, рассмотрим boast 'хвалиться' и complain 'жаловаться'. Оба они обозначают репрезентативы с тем дополнительным признаком, что они соотнесены в какой-то степени с интересами говорящего (условие (6), см. выше). Conclude 'заключать' и deduce 'выводить' — тоже репрезентативы с дополнительным признаком: они указывают на некоторые отношения между иллокутивным актом «репрезентатива» и остальной частью дискурса, или контекстом высказывания (см. выше условие (7)). Этот класс содержит большую часть остиновских экспозитивов и многие из его вердиктивов — все по той же причине, что, как я пытался показать, они обладают одной и той же иллокутивной целью, а различаются по другим признакам иллокутивной силы.

Самый простой тест для репрезентативов — следующий; можете ли вы буквально оценить высказывание (кроме прочего) как истинное или ложное. Сразу же добавлю, что это — ни необходи-

мое, ни достаточное условие, — что будет видно, когда дойдем до пятого класса.

Сказанное относительно репрезентативов станет, надеюсь, более очевидным, когда мы рассмотрим второй класс, который — с некоторыми колебаниями — я бы назвал:

Директивы. Иллокутивная направленность их состоит в том, что они представляют собой попытки (в различной степени, а поэтому точнее было бы сказать, что они суть конкретные значения параметра, определяемые действием “пытаться”) со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. Директивы могут быть и весьма скромными «попытками», как в случае, когда я приглашаю вас сделать нечто или предлагаю вам это ненавязчивым образом; но они могут представлять собой и весьма агрессивные попытки, если я, например, настаиваю на том, чтобы вы совершили это. Используя для обозначения иллокутивной цели данного класса восклицательный знак, имеем:

! ↑ W (Н делает А).

Направление приспособления — «реальность — слова»; условие искренности — желание (или пожелание, или потребность). Пропозициональное содержание всегда состоит в том, что слушающий совершит некоторое будущее действие А. Глаголы, обозначающие акты этого класса — “спрашивать”, “приказывать”, “командовать”, “запрашивать”, “просить”, “молить”, “умолять”, “заклинать”, а также “приглашать”, “позволять” и “советовать”. Думаю также, что и “вызывать (на бой)”, и “вызывать (на спор)”, и “вызывать (на дуэль)”, отнесенные Остином к разряду бегахитивов, очевидным образом попадут в класс директивов. Многие из остиновских экзерситивов также относятся сюда.

Комиссивы. Остиновское определение комиссивов мне представляется приемлемым, я просто перейму его в том же виде — с оговоркой, что некоторые из глаголов, им сюда помещаемых в качестве комиссивных глаголов, к таковым отнесены быть не могут, — как shall ‘должен (буду)’, intend ‘намереваться’, favor ‘относиться благосклонно’ и др. Итак, комиссивы — это те иллокутивные акты, цель которых — в том, чтобы возложить на говорящего обязательство (опять-таки в определенной степени) совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения. Используя С в качестве имени для членов этого класса, имеем в общем случае:

С ↑ I (S совершает А).

¹ Вопросы представляют собой частный случай директивов, поскольку это — попытки со стороны говорящего сделать так, чтобы Н ответил, — то есть произвел некоторый речевой акт. — *Прим. автора.*

Направление приспособления здесь — «реальность — слова», а условие искренности — I (намерение, интенция). Пропозициональное содержание всегда при этом — в том, что говорящий S выполнит некоторое будущее действие A. Поскольку направление приспособления для комиссивов то же, что и для директивов, можно было бы получить более простую таксономию, если мы смогли показать, что они действительно являются членами одной и той же категории. Однако сделать это я не могу: в то время как цель обещания — возложить на говорящего обязательство совершить некоторое действие (и при этом не обязательно, чтобы он пытался заставить себя совершить это действие), у просьбы иллокутивная цель — попытаться заставить слушающего совершить нечто (и при этом требуется возлагать на него обязательство сделать это). Для того чтобы подвести обе категории под одну рубрику, нужно было бы показать, что обещания на самом деле представляют собой просьбы к самому себе (таково решение, предложенное мне Джулианом Бойдом), или же попытаться показать, что просьбы налагают обязательства на слушающего (это — предложение Вилльяма Элстона и Джона Кернза). Мне не удалось осуществить ни одного из этих предложений, — так что мы остаемся при этом неэлегантном решении, в котором две различные категории обладают одним и тем же направлением приспособления.

Четвертую категорию я назову

Экспрессивы. Иллокутивная цель этого класса — в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Образцовыми глаголами для экспрессивов являются: thank 'благодарить', congratulate 'поздравлять', apologize 'извиняться', condole 'сочувствовать', deplore 'сжалеть', welcome 'приветствовать'. Отметим, что экспрессивы не обладают каким-либо направлением приспособления. Производя экспрессивный акт, говорящий не пытается «приспособить» ни реальность к словам, ни слова к реальности, скорее при этом предполагается истинность выражаемого суждения. Так, например, когда я извиняюсь за то, что наступил вам на ногу, в мою цель не входит ни сообщить о том, что я наступил вам на ногу, ни сделать так, чтобы на вашу ногу наступили. Это обстоятельство находит свое четкое отражение в синтаксисе (английского языка): указанные образцовые экспрессивные глаголы в своем перформативном употреблении не допускают при себе придаточных с союзным словом that 'что', а требуют, чтобы произошла трансформация герундивной номинализации (или чтобы при них было какое-либо другое имя). Нельзя сказать *I apologize that I stepped on your toe, но можно сказать I apologize for stepping on your toe 'Прошу прощения за (букв.) наступление на вашу ногу (букв. на палец вашей ноги)'. Аналогично, нельзя сказать *I congratulate you that you

won the race 'Я поздравляю, что вы выиграли на скачках' или *I thank you that you paid me the money 'Я благодарю вас, что вы выплатили мне деньги', — допустимым было бы:

I congratulate you on winning the race (congratulations on winning the race);

I thank you for paying me the money (thanks for paying me the money).

Эти синтаксические факты, как я полагаю, являются следствием того, что экспрессивы не обладают направлением приспособления. Истинность суждения, выраженного экспрессивом, входит в его пресуппозицию. Этот класс может поэтому быть символически представлен так:

$$E \emptyset (P) (S/N \vdash \text{свойство}),$$

где E — иллокутивная цель, общая для всех экспрессивов, \emptyset — нулевой символ, указывающий на отсутствие направления приспособления, P — переменная, область определения которой — различные психологические состояния, выражаемые в ходе осуществления иллокутивных актов данного класса, а пропозициональное содержание приписывает некоторое свойство (не обязательно действие) либо говорящему, либо слушающему. Так, я могу поздравить вас не только с победой на скачках, но и с тем, что вы хорошо выглядите. Но при этом определяемое в пропозициональном содержании экспрессива свойство должно быть соотнесено либо с говорящим, либо со слушающим. Так, я не могу (без каких-либо очень специальных допущений) поздравить вас с открытием ньютоновского первого закона движения.

Было бы очень экономно, если бы мы могли включить все иллокутивные акты в рамки этих четырех классов; кроме того, это было бы дополнительной поддержкой для того общего направления анализа, который выдвинут в моих «Речевых актах», — тем не менее, наша классификация пока что не полна. В ней еще отсутствует один важный класс случаев, когда положение вещей, представленное в пропозициональном содержании, реализует или получает свое существование посредством конкретного показателя иллокутивной силы. Это — случаи, когда некоторое положение дел получает существование в результате объявления об этом существовании, случаи, когда, так сказать «говорение конституирует факт». Примеры таких случаев: I resign 'Ухожу в отставку', You're fired 'Вы уволены', I excommunicate you 'Отлучаю вас', I christen this ship, the battleship Missouri 'Именую этот корабль «Линкор Миссури», I appoint you chairman 'Назначаю вас председателем' и War is hereby declared 'Объявляю военное положение'. Эти случаи в ранних работах использовались в качестве эталонных образцов перформативов, — но мне они предоставляются все еще недостаточно адекватно описанными в литературе, а их связь

с остальными видами иллокутивных актов обычно, по-моему, неправильно понимается. Назовем этот класс

Декларации. Определяющим свойством этого класса является именно то, что осуществление какого-либо акта из этого класса устанавливает соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью; успешное осуществление акта гарантирует действительное соответствие пропозиционального содержания реальности: если я успешно осуществляю акт назначения вас председателем, то вы становитесь председателем; если я успешно осуществляю акт выдвижения вас кандидатом, то вы становитесь кандидатом; если я успешно произвожу акт объявления состояния войны, то начинается война; если я успешно осуществляю акт бракосочетания с вами, то вы связаны брачными узами.

Поверхностно-синтаксическая структура многих предложений, используемых для осуществления деклараций, скрывает от нас эту их цель, поскольку в таких предложениях нет поверхностно-синтаксических различий между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой. Так, "Вы уволены" и "ухожу в отставку", очевидно, не позволяют провести различие между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием; однако, я думаю, когда они употребляются для осуществления деклараций, их семантическая структура такова:

"Я заявляю: ваш трудовой договор (настоящим) расторгается".

"Я заявляю: мой пост (настоящим) объявляется свободным".

Декларации вносят изменения в статус или условие указываемых объектов уже в силу самого того факта, что декларирование было осуществлено успешно. Это свойство деклараций отличает их от остальных классов. В истории споров по поводу различий между перформативами и констативами, начиная с остиновского введения указанного различия, это свойство деклараций не получило правильного освещения. Первоначально предложенное различие между констативами и перформативами, как считали, было различием между высказываниями двух типов: одни представляли собой простое «говорение» (констативы, констатации, утверждения и т. д.), другие — «совершение действия» (обещания, заключение пари, предупреждения и т. д.). То, что я называю декларациями, включено в класс перформативов. Основной мотив остиновской книги — в том, что это различие нельзя провести до конца последовательно. Точно так же, как высказывание определенных слов конституирует бракосочетание (перформатив), а высказывание других слов составляет обещание (еще один перформатив), — так и произнесение определенных слов конституирует совершение утверждения (предположительно — констатив). Остин считал эту параллель точной, а многие философы до сих пор отказываются принять это положение. Совершение утверждения — в той же степени осуществление иллокутивного акта, как и соверше-

ние обещания, заключения пари, предостережения и т. п. Любое высказывание состоит в осуществлении одного или нескольких иллюкутивных актов.

Показатель иллюкутивной силы в предложении действует над пропозициональным содержанием и указывает, кроме прочего, направление приспособления между этим пропозициональным содержанием и реальностью. В случае репрезентативов направление приспособления — «слова — реальность»; в случае директивов и комиссивов — «реальность — слова»; в случае экспрессивов нет вообще никакого направления приспособления, осуществляемого данной иллюкутивной силой, поскольку существование соответствия уже входит в презумпцию. Высказывание вообще не осуществляется без такого соответствия. Но вот мы наталкиваемся на необычный вид отношений в случае деклараций. Осуществление декларации устанавливает ответственность самим уже фактом успешного проведения акта декларации. Как это происходит?

Заметим, что все до сих пор рассмотренные примеры связаны с некоторым внеязыковым установлением, — с системой конституирующих правил, в дополнение к конституирующим правилам языка, что обеспечивает успешное осуществление декларации. Владения теми правилами, которые составляют языковую компетенцию говорящего и слушающего, еще недостаточно, вообще говоря, для осуществления акта декларирования. Дополнительно к этому должно существовать внеязыковое установление, в котором говорящий и слушающий должны занимать соответствующие социальные положения. Именно при наличии таких установлений, как церковь, закон, частная собственность, государство, и конкретного положения говорящего и слушающего в их рамках, можно, соответственно, отлучать от церкви, назначать на пост, передавать и завещать имущество, объявлять войну. Единственное исключение из этого принципа составляют те случаи декларирования, которые затрагивают сам язык, — например, когда говорят: «Я определяю, сокращенно обозначаю, называю, именую, даю прозвище». Остин иногда выражается в том духе, будто все перформативы (а в общей теории, все иллюкутивные акты) требуют некоторого внеязыкового установления, — но это, очевидно, неверно. Декларации представляют собой очень специфическую категорию речевых актов. Структуру деклараций можно обозначить так:

$$D \updownarrow \emptyset (p),$$

где D — обозначение декларационной иллюкутивной цели; направление приспособления — одновременно и «слова — реальность», и «реальность — слова» (в силу необычного характера деклараций); условие искренности отсутствует, поэтому в позиции условия искренности стоит символ нуля; p — обычный символ пропозициональной переменной.

Причиной для указания вообще направления приспособления в данной формуле является то, что декларации на самом деле пытаются «приспособить» язык к реальности. Но делают они это, не пытаясь описать некоторое существующее положение дел (как в случае репрезентативов), а также не пытаясь сделать так, чтобы кто-либо в будущем создал такое-то положение вещей (как в случае директивов и комиссивов).

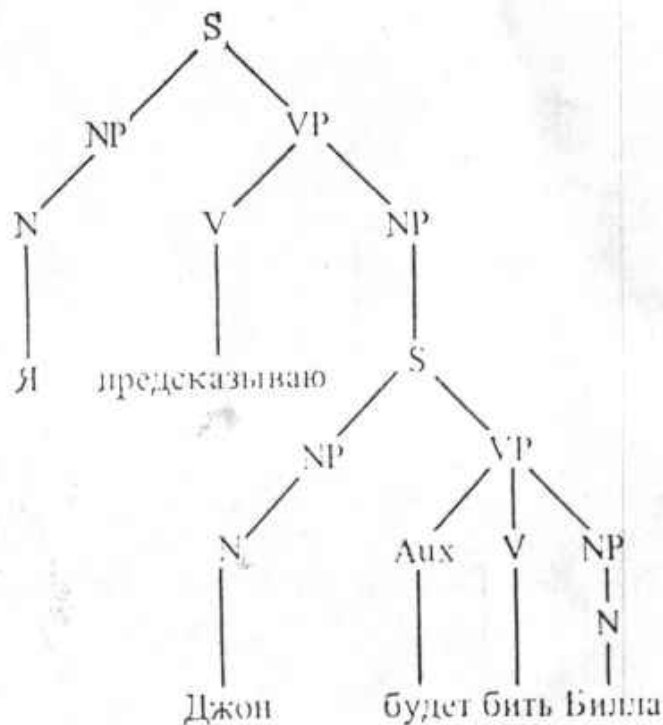
Некоторые элементы класса деклараций являются одновременно и членами класса репрезентативов. Это происходит оттого, что в определенных ситуациях в рамках некоторых установлений для того, чтобы удостовериться факты, необходимо наличие авторитета, который решил бы, каковы факты на самом деле (после того как проведена процедура обнаружения фактов). Так, спор когда-то должен быть завершен и привести к решению, — вот почему существуют судьи и арбитры. И судьи, и арбитры делают утверждения о фактах типа: «Вы вне игры», «Вы виновны». Такие утверждения явно лежат в плоскости соотношения слова и реальности. Был ли игрок в действительности осален мячом вне базы (в бейсболе)? Действительно ли человек совершил преступление? Оба вопроса относятся к измерению «слова — реальность». Но в то же время оба высказывания обладают силой деклараций. Если спортивный арбитр объявляет вас вне игры (и отклоняет апелляцию), то в рамках игры в бейсбол вы — вне игры, вне зависимости от фактического положения дел; и если судья объявляет вас виновным (после апелляции), то в рамках юридических установлений вы виновны. В этом нет ничего таинственного. Социальные установления обладают тем свойством, что обычно требуют, чтобы были совершены определенные иллокутивные акты (со стороны авторитетов различного рода) и чтобы эти акты обладали силой деклараций. Некоторые установления требуют, чтобы были сделаны заявления-репрезентативы, имеющие силу декларации: тогда только спор относительно какого-либо вопроса завершается на определенном этапе обсуждения, после чего могут быть осуществлены последующие институционные действия (которые были бы невозможны до решения вопросов, связанных с фактической стороной дела). И тогда обвиняемый освобождается или препровождается за решетку, боковой игрок направляется на скамью штрафников, гол засчитывается. Такие случаи можно назвать «репрезентативами-декларациями». В отличие от остальных видов деклараций, они обладают общим с репрезентативами условием искренности. Судья, жюри и арбитр, вообще говоря, могут и лгать, но человек, объявляющий войну или назначающий на какую-либо должность, не может лгать в процессе совершения этого своего иллокутивного акта. Для этого класса репрезентативов-деклараций имеем следующее символическое представление:

$$D_r \downarrow \uparrow B(p),$$

где D_r обозначает иллокутивную цель при совершении акта репрезентатива, обладающего силой декларации; первая стрелка указывает на направление приспособления как у репрезентатива, вторая — как у декларации; условие искренности — убеждение; p — пропозициональное содержание.

V. НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ

До сих пор я занимался классификацией иллокутивных актов, а факты относительно глаголов использовал как доводы и пояснения. В данном разделе речь пойдет об эксплицировании некоторых синтаксических свойств английского языка. Если различия, рассмотренные в разделе IV, обладают какой-либо действительной значимостью, то они должны влечь за собой определенные синтаксические факты; поэтому здесь мы попытаемся рассмотреть глубинную структуру явно перформативных предложений в рамках каждой из пяти категорий, то есть мы попытаемся рассмотреть синтаксическую структуру предложений, содержащих соответствующие иллокутивные глаголы для каждого из пяти классов, в перформативной функции. Поскольку все рассматриваемые предложения содержат перформативный глагол в главном предложении, а также в придаточном, то обычные древесные структуры непосредственно составляющих будут даваться в сокращенном виде: например, предложение "Я предсказываю, (что) Джон будет бить Билла" имеет глубинную структуру, указанную на схеме. Эта схема получает следующее сокращенное обозначение: "Я пред-

сказываю + Джон будет бить Билла". Скобки будут использоваться для выделения факультативных элементов или для элементов, являющихся обязательными только в случае конкретного ограниченного класса глаголов. Когда из двух элементов можно свободно выбрать любой, используется косая черта, например: "Я/ты".

Репрезентативы. Глубинная структура таких образцово репрезентативных предложений, как "Я констатирую, что идет дождь" и "Я предсказываю, (что) он придет", имеет вид: "Я глагол (что) + Предложение". Этот класс как целое не накладывает никаких дополнительных ограничений на структуру предложения; но некоторые конкретные глаголы могут определенным образом ограничивать структуру вложенного придаточного предложения. Например, глагол "предсказывать" требует, чтобы составляющая *be* (вспомогательного глагола) была представлена категорией будущего, но ни в коем случае не прошедшего времени. Такие репрезентативные глаголы, как "описывать", "называть", "классифицировать (как)" и "идентифицировать", входят в синтаксическую структуру, скорее сходную с той, которая бывает при глаголах декларации, — на них мы остановимся ниже.

Директивы. Предложения типа "Я приказываю тебе уйти" и "Я командую тебе стать по стойке смирно" имеют следующую глубинную структуру: "Я глагол тебе + ты Будущее глагол (NP)". Так, предложение "Я приказываю тебе уйти" представляет собой поверхностную реализацию для структуры: "Я приказываю тебе + ты будешь уходить"; эта структура требует удаления одной из идентичных именных составляющих — ты. Заметим, что дополнительным синтаксическим доводом для включения *dares* 'вызывать (на бой)', *defy* 'вызывать (на спор)' и *challenge* 'вызывать (на дуэль)' в список директивных глаголов и против объединения их с глаголами "извиняться", "благодарить", "поздравлять" и т. п. (то есть вопреки точке зрения Остина) было то, что они обладают той же синтаксической формой, что и образцово директивные глаголы "приказывать", "командовать" и "затребовать". Аналогичным образом глаголы "приглашать" и "советовать" (в одном из своих смыслов) обладают синтаксисом директивов. "Позволять" также синтаксически — директив, хотя дать разрешение, строго говоря, не значит пытаться сделать так, чтобы кто-то нечто совершил, — скорее этот акт состоит в том, чтобы убрать существующие до сих пор помехи для совершения чего-то.

Комиссивы. Такие предложения, как "Я обещаю заплатить тебе деньги" и "Я присягаю на верность флагу" или "Я клянусь отомстить", имеют глубинную структуру: "Я глагол (тебе) + Я будущее Волитивный глагол (NP) (Наречие)", <...>*

* Опускаются неформальные соображения в пользу этой структуры. — Прим. перев.

Экспрессивы. Как было указано выше, экспрессивы обычно требуют герундивной трансформации над глаголом вложенного придаточного предложения. <...>* Глубинная структура таких предложений следующая: “Я глагол тебе + Я/ты VP → Герундиальное имя”. <...> Но не все из допустимых при этом номинализаций герундиальны: важно, чтобы в результате не получалось придаточных с союзом “что” или инфинитивных конструкций. Так, допустимо I apologize for behaving badly (букв.) ‘Я извиняюсь за ведение (себя) плохо’ или I apologize for my bad behavior ‘Я извиняюсь за свое плохое поведение’, — но нельзя сказать: *I apologize that I behaved badly или *I apologize to behave badly (в том же значении).

Перед тем, как перейти к декларациям, вернемся сначала к тем репрезентативным глаголам, которые отклоняются от своей основной парадигмы. Эта основная парадигма, как было указано выше, — “Я глагол (что) + Предложение”. Но если рассмотреть глаголы типа “диагностировать”, “называть” и “описывать”, а также такие глаголы, как class ‘относить к классу’, classify ‘классифицировать’ и identify ‘идентифицировать’, то окажется, что они не укладываются в эти же рамки. Первые три обладают синтаксической структурой вида “Я V NP₁ + NP₁ быть предикатив” в предложениях “Я называю его лжецом”, “Я диагностирую его болезнь как аппендицит” и “Я описываю Джона как фашиста”. Но нельзя сказать “*Я называю, что он лжец”, “*Я диагностирую, что его болезнь — аппендицит” (впрочем, странным образом некоторые из моих студентов допускают эту форму), “*Я описываю, что Джон — фашист”.

Имеются, таким образом, по-видимому, очень строгие ограничения на один из типов репрезентативных глаголов, отсутствующие в случае других типов. Значит ли это, что необходимо принять, что эти глаголы были ошибочно помещены в рубрику репрезентативов наряду с глаголами типа “констатировать”, “утверждать”, “заявлять” и “предсказывать” и что необходимо выделить их в отдельный класс? Ведь можно было бы сказать, что существование этих глаголов подтверждает точку зрения Остина о необходимости выделения класса вердиктивов, отличного от экспозитивов. Но такой вывод был бы, несомненно, странным, поскольку Остин многие из названных выше глаголов относит к категории экспозитивов. Он расценивает “описывать”, “классифицировать”, “идентифицировать” и “называть” как экспозитивы, а “диагностировать” и “описывать” как вердиктивы. Обычный синтаксис многих вердиктивов и экспозитивов вряд ли подтверждает выделение вердиктивов в отдельный класс. Однако, отвлекаясь от таксономии Остина, вопрос можно поставить так: нужна ли отдельная семантиче-

* Опускается буквальное повторение авторских примеров. — Прим. перев.

ская категория для объяснения этих синтаксических фактов? Думаю, что не нужна. Для дистрибуции этих глаголов имеется гораздо более простое объяснение. Часто в рамках дискурса репрезентативного характера мы сосредоточиваем наше внимание на некотором предмете обсуждения. Тогда вопрос не в том, что за пропозициональное содержание мы высказываем в качестве утверждения, а в том, что же именно мы говорим об объекте (или объектах), указываемых в этом пропозициональном содержании: не в том, что же мы утверждаем, заявляем, даем в качестве характеристики, а в том, как мы описываем, называем, диагностируем или идентифицируем эту названную ранее тему обсуждения. Так, в случае диагностирования или описания всегда речь идет о признаках какого-либо лица или его болезни, об описании пейзажа или вечеринки, или человека, и т. п. Эти репрезентативные иллокутивные глаголы являются средством для того, чтобы отделить сами объекты обсуждения от того, что именно говорится об этих объектах. Но это вполне серьезное синтаксическое различие не дает нам оснований для констатации достаточно значительного семантического различия, которое привело бы к образованию отдельной категории. Так, в пользу моей точки зрения говорит то, что реальные предложения, в рамках которых осуществляется описывание, диагностирование и т. п., редко бывают эксплицитно перформативного типа: чаще это стандартные индикативные формы, столь характерные для класса репрезентативов.

Высказывания типа "Он — лжец", "У него — аппендицит", "Он — фашист" — это типичные утверждения, высказывая которые, мы называем что-либо, диагностируем и описываем, а также можем обвинять, идентифицировать и характеризовать. Итак, имеются две синтаксические формы для иллокутивных глаголов репрезентативного типа: одна из них сосредоточена на пропозициональном содержании, другая же — на объекте (или объектах), указываемых в этом пропозициональном содержании; однако обе формы семантически являются репрезентативами.

Декларации. В качестве главной синтаксической формы предлагается следующая: "Я глагол $NP_1 + NP_2$ связка "быть" предикат", — такое представление защищает нас от возражения против выделения особой семантической категории для деклараций, а кроме того, многие глаголы декларации принимают именно этот вид. На самом деле, имеется несколько различных синтаксических форм для эксплицитных перформативов декларации. Из них наиболее важные — следующие:

- (1) "Я нахожу вас виновным в предъявленном обвинении"
"Я объявляю вас мужем и женой"
"Я назначаю вас председателем"
- (2) "Настоящим объявляется война"
"Объявляю собрание прерванным"

(3) "Вы уволены"

"Я ухожу в отставку"

"Я вас отлучаю от церкви"

Глубинная синтаксическая структура для этих трех типов, соответственно имеет вид:

(1) "Я глагол $NP_1 + NP_2$ связка "быть" предикат". Так, мы имеем для этой группы примеров: "Я нахожу вас+вы быть виновен по обвинению", "Я объявляю вас+вы быть муж и жена". "Я назначаю вас+вы быть председатель".

(2) "Я объявляю+Предложение"

Так, имеем: "Я/мы (настоящим) объявляю+состояние войны существует", "Я объявляю+собрание быть прерванным".

Эта форма — наиболее чистый вид декларации: говорящий, облеченный властью, вводит положение дел, описываемое пропозициональным содержанием, сказав на самом деле всего лишь: "Я объявляю состояние дел существующим". С семантической точки зрения, таковы все декларации, хотя в классе (1) фокусировка на топике приводит к синтаксическим перестройкам, — так что получается форма та же, что и в случае репрезентативных глаголов типа "описывать", "характеризовать", "называть" и "диагностировать". А вот в классе (3) синтаксическая форма еще больше скрывает семантическую. Эта форма наиболее обманчива, это — попросту:

(3) "Я глагол (NP)",

как в примерах "Я увольняюсь", "Я ухожу в отставку", "Я вас отлучаю от церкви". Однако семантическая структура у них, как я считаю, та же, что и у класса (2). "Вы уволены", будучи произнесено как произведение акта увольнения кого-либо, а не как сообщение, значит:

"Я объявляю+Ваша работа прекращена".

Аналогично, "Я ухожу в отставку" значит "Я настоящим заявляю+Моя работа прекращена". А "Я отлучаю вас от церкви" значит "Я объявляю+Ваша принадлежность к церкви прекращена". Такая удивительно простая синтаксическая структура всех трех предложений объясняется, по-моему, тем, что некоторые глаголы в своем перформативном употреблении одновременно выражают (как бы в единой капсуле) и силу декларации, и пропозициональное содержание.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь мы можем сделать некоторые выводы.

1. Многие из глаголов, называемых нами иллокутивными, являются показателями не иллокутивной цели, а некоторого другого признака иллокутивного акта. Например, "настаивать" и "пред-

лагать" (suggest). Я могу настаивать на том, чтобы мы пошли в кино, или я могу предложить, чтобы мы пошли в кино; однако я также могу настаивать на том, что ответ находится на с. 16, но могу и предлагать найти его на с. 16. Первая пара — директивы, вторая — репрезентативы. Значит ли это, что настаивание и высказывание предложения сделать что-то — иллокутивные акты, отличные от репрезентативов и директивов, — или же что они одновременно являются и репрезентативами и директивами? Я думаю, ответ на оба вопроса отрицательный. Как "настаивать", так и "предлагать" употребляются для указания на степень интенсивности, с которой подается иллокутивная цель. Они вовсе не указывают на различные иллокутивные цели. Аналогично, глаголы "объявлять", "представлять" и "доверить (по секрету)" не указывают на различные иллокутивные цели, а скорее, на стиль или манеру осуществления иллокутивного акта. Как ни парадоксально, такие глаголы являются иллокутивными, но не являются именами для видов иллокутивных актов. Именно по этой причине, среди прочих, должны мы тщательно различать таксономию иллокутивных актов и таксономию иллокутивных глаголов.

2. В разделе IV я попытался расклассифицировать иллокутивные акты, а в разделе V — исследовать некоторые синтаксические признаки глаголов, обозначающих элементы каждой из категорий. Но я не пытался при этом получить классификацию иллокутивных глаголов. Если попытаться это сделать, то получится следующая картина.

а) Во-первых, некоторые глаголы, — как только что мы заметили, — указывают вовсе не на иллокутивную цель, а на некоторое другое свойство, — как глаголы "настаивать", "предлагать", "объявлять", "сообщать по секрету", "бросить реплику", "ответить", "воскликнуть", "отметить", "выкрикнуть", "вставлять замечание".

б) Многие глаголы указывают на иллокутивную направленность в сочетании с некоторым другим свойством, например, "хвастаться", "жаловаться", "угрожать", "критиковать", "обвинять" и "предупреждать", — все эти глаголы добавляют признак "хорошо" или "плохо" к первичной иллокутивной цели.

в) Несколько глаголов указывают на более чем одну иллокутивную цель, например: "протестовать" связано одновременно с выражением неодобрения и с ходатайством об изменении.

"Обнародование закона" обладает одновременно статусом декларации (когда пропозициональное содержание становится законом) и статусом директива (закон — это, по замыслу своему, директив). Глаголы репрезентативной декларации попадают в этот класс.

д) Некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с раз-

ной иллюкативной целью. Напр. "предупреждать" и "уведомлять" обладают синтаксисом директивов и репрезентативов. Так, имеем: "Предупреждаю: отстань от моей жены!" (директив), "Предупреждаю, что бык вот-вот бросится" (репрезентатив); "Уведомляю тебя: нужно уйти" (директив) и "Пассажиры уведомляются о том, что поезд опаздывает" (репрезентатив). Соответственно, мне кажется, предупреждение и уведомление могут быть как сообщением о том, что нечто имеет место (обладающее релевантностью для интересов адресата), так и сообщением о том, что адресат *должен* нечто сделать (потому что это лежит или не лежит в его интересах). Эти глаголы могут совмещать, а могут и не совмещать обе функции.

3. Наиболее важный вывод: множество языковых игр, или способов использования языка (вопреки тому, как считал Витгенштейн, в некоторых трактовках его концепции, а также многие другие) не бесконечно и не неопределенно. Иллюзия неограниченности употреблений языка порождена большой неясностью в отношении того, что составляет критерии разграничения для различных языковых игр или для различных употреблений языка. Если принять, что иллюкативная цель — это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка, то окажется, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено: мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир. Зачастую в одном и том же высказывании мы совершаем сразу несколько действий из этого списка.